

# «Американская трагедия» 60-х годов

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАШУМЕТВШЕЙ ПЬЕСЕ

Пьеса «Дети Кеннеди» американского драматурга Роберта Патрика была впервые показана на «внебродвейской» сцене Нью-Йорка в мае 1973 года, но успех к ней пришел лишь через год в Лондоне, после чего на нее обратили внимание и в США. Зрителей взволновала проблема молодого поколения, остро поставленная в этом обличительном произведении.

Майк Дэвидов

Многочисленную аудиторию в Соединенных Штатах сейчас завоевывает волнующая пьеса Роберта Патрика «Дети Кеннеди», повествующая о трагической судьбе значительной части молодежи Америки в мятежные 60-е годы. Тот факт, что именно такая пьеса получает столь горячий прием накануне празднования 200-летия независимости США, служит ярким отражением царящих в американском обществе настроений неудовлетворенности и разочарования.

Я видел пьесу в Сан-Франциско в исполнении отличной нью-йоркской труппы, которая прибыла к нам после триумфальных гастролей по стране и на рубежом. Казалось бы, в произведении Р. Патрика отсутствует ряд важных компонентов, без которых обычно невозможны успех пьесы у зрителя: нет острого конфликта и фактически нет сюжета, пять персонажей никак не связаны между собой и даже не разговаривают друг с другом. Однако то, что происходит на сцене, волнует, захватывает зрителя. Не только у нас, но, как я скажу, и во многих зарубежных странах. Почему? Потому что отдельные монологи действующих лиц складываются в

трагическую повесть, близкую миллионам американцев, и не только нам — десяткам миллионов людей в «свободном мире». Для одних — это печальная история морального падения их детей, для многих других — рассказ о собственной горькой судьбе. Роберт Патрик, родившийся в семье бедного техасского фермера, сам трудившийся на многих тяжелых работах, сумел ярко запечатлеть в своем произведении «американскую трагедию» 60-х годов — трагедию «потерянного поколения».

## ПОСЛЕ ВЫСТРЕЛОВ В ДАЛЛАСЕ

Действие пьесы происходит в феврале 1974 года в захудалом нью-йоркском баре. «Детям Кеннеди» к тому времени уже далеко за тридцать. Когда поднимается занавес, сцена погружена в полную темноту, слышен лишь голос радиорепортера, который с радостным возбуждением живописует «огромные толпы жителей Далласа, штат Техас, высыпавших на улицы приветствовать президента Джона Кеннеди и Джекки». Внезапно гремят выстрелы, радостная скороговорка репортера сменяется воплем ужаса...

Невольно переключившись мыслями на десять лет назад, в тот роковой день 22 ноября 1963 года, который открыл «десятилетие беспорядка и политических убийств». Но вот радио смолкает, освещаются декорации убогого бара, и Ванда начинает свой монолог, обращенный в прошлое: «Это был самый важный день в моей жизни...» В ее голосе звучат болезненно ностальгические нотки. Именно слова Ванды связывают пьесу и монологи остальных персонажей с убитым президентом (Другие герои не упоминают его).

Среди действующих лиц — Рона, студентка из бедной рабочей семьи, активно участвовавшая в борьбе против грязной войны во Вьетнаме; Спарджер, жалкий безработный актер; Марк, ветеран вьетнамской войны, человек с искавленной психикой, нашедший утешение в наркотиках и буддийских сектах; Карла, вызывающая жалость своей напавшая красавица, мечтавшая заменить Мэрилин Монро на пьедестале «сексуального идола» Америки, но в итоге попавшая на панель. Все они, сидя или стоя, пьют заказанные напитки, погруженные в свои беспокойные мысли и воспоминания. Они оживают, только когда наступает их очередь выплеснуть в зал свою боль, но после такой облегчающей исповеди они снова заползают в отчужденные друг от друга раковины.

Ванда — самый позитивный характер в пьесе. Ее не засасывало болото наркомании, не швыряло в волны «сексуальной революции». Фактически она старомодна в своих взглядах и поступках. Но, с другой стороны, Ванда была лишь зрителем в бурные 60-е годы, хотя ее потрясли выстрелы, утерпевшие братьев Кеннеди. «Все любил президента Кеннеди. Весь род людской надел траур по нему!» — восклицает она, до сих пор оплакивая президента. Слова Ванды — это

отражение разнотипных надежд, за которые продолжали цепляться миллионы американцев, особенно наиболее угнетенные. «Если бы он жил, — продолжает она, — то остановил бы войну, решил бы расовые проблемы» Ванда работает в школе для умственно отсталых детей и отождествляет свое одиночество с их участью: «Я учу детей, которые не могут говорить. И никто не говорит с ними».

Рона представляет в пьесе идеалистическую молодежь, которая проповедовала в середине 60-х годов наивную теорию всеобщей любви. Эти «деги-цветы» верили, что одна любовь может победить зло и перестроить мир. Чистые и простодушные, они защищались от полицейских дубинок букетами цветов. Они не были зрительными, их не лишило веры даже убийство братьев Кеннеди. «Мы плакали и плакали, — говорит Рона. — Плакали, требуя мира и гражданских прав. Сама жизнь стала маршем...» Плачущая гитара Боба Дилана, его сипловатый голос отражали их тоску по светлому миру, а его песня «Ответ приносит ветер» была их гимном: «Мы были первыми такими в истории Америки, — продолжает Рона. — Мы были большим шалом Америки. Молодежь мира поднялась и объединилась под флагом индивидуальной свободы».

## ЦВЕТЫ ПРОТИВ ДУБИНОК

В словах Роны выражено одно из самых горьких заблуждений, которое во многом способствовало дезориентации американской студенческой молодежи в большинстве принадежающей к среднему классу. Студенты быстро активизировались, но политически были оторваны от рабочего класса, рассматривали организационных рабочих как часть «исключенных», приравнивали ажиотаж треволнений вроде Минни к самому миру труда. Это заблуждение позволяло правящему классу и его прессе изолировать молодежь, не давая перейти в наступление.

Рона вспоминает удары разрушительных иллюзорных мечт о «красоте цветов»: «Нас избивали, когда мы протестовали против вторжения на Кубу. Нас избивали, когда мы протестовали у здания ООН против убийства Патриса Лумумбы. Нас избивали, когда мы вышли с лозунгом: «Переключи мечи на ора!» Они избивают нас».

Рона имеет в виду полицейский террор во время предвыборного съезда демократической партии в 1968 году. В качестве корреспондента «Дейли Уорлд» я был свидетелем этого кошмара своими глазами: видела избивание молодых людей единственным преступлением которых было желание прекратить войну во Вьетнаме.

«Когда это кончилось?» — спрашивает Рона, сама мучительно пытаясь найти ответ. — Некоторые скажут, что это кончилось после убийства студентов в Кенте или когда Дилан купил себе ранчо за миллион долларов». Потом она слабым голосом добавляет: «Но мы все же сделали что-то хорошее. Они не прекратили войну, но она стала тише. Коррупция получила широкую огласку. Люди устали, разве это не доказательство чего-то свершившегося?»

Этот пораженный монотонно отражает главную слабость пьесы — ее безысходность. Зритель покидает театр в печали и отчаянии. Для печали, конечно, есть весомые причины. Трагическая судьба многих молодых американцев донельзя реальна и особо очевидна сегодня, когда Америка охвачена наркомагией (ныне сочетающейся с массовым алкоголизмом). Недавно я воочию убедился в этом, проведя ночь в отделении «Скорой помощи» одной больницы Сан-Франциско. С болью я увидел, что в отделение приносили почти одних молодых людей, одурманенных наркотиками либо спиртным.

Но молодежь 60-х годов не нуждается в элегиях. Историки еще опишут героическую борьбу молодого поколения США за прекращение войны во Вьетнаме. Кроме того, эта борьба далеко не закончена, хотя она приняла теперь другие размеры и формы. Сейчас наша молодежь обращается к жгучим внутренним проблемам, ведет бой против безработицы (20—25 процентов белой и 50 процентов негритянской молодежи не имеют работы), против кризиса, все тяготы которого переложены на простых американцев.

## В СЕТЯХ ПОРНОБИЗНЕСА

После Роны свою душу изливает Карла. Она полагалась не на «власть цветов», а на силу своего обаяния. Купля-продажа секса и сводничество — первостепенная «индустрия» в США, которая переживает бум даже в разгар экономического кризиса. Сотни тысяч таких Карл живут в Америке несбыточными мечтами добиться роскоши и славы с помощью своей красоты. Она вызывает жалость, когда рассказывает, как собиралась выиграть свою партию: «Я составила схему всех ошибок Мэрилин. Я знала, как их избежать, у меня был безжалостный план исправления мужчин». И Карла кохля по ночным клубам, спала с «нужными людьми», пока ее друзья маршировали с протестами. Но «безжалостный план» привел Карлу сначала в постель похотливых стариков, обещавших сделать ей степенную карьеру, а в итоге на панель. «Все время ты трапишь на то, чтобы быть красивой снаружи, — подводит итог своей смутной жизни Карла, — и не остаешь времени быть красивой внутри».

«Почему же мы не хотим красоты для жизни?» — вопрошает Карла. Ее образ — большая удача Роберта Патрика и актрисы Ширли Найт, известной по многим успешным театральным телевизионным постановкам и фильмам. Ее Карла напоминает прекрасную, нежную птицу, в ужасе бьющую крыльями в тщетной попытке вырваться из когтей безжалостных хищников. К слову сказать, Ширли Найт получила недавно премию Тони за 1975 год, традиционно присуждаемую театральными критиками Нью-Йорка лучшим актрисам года. При вручении награды она публично заявила (церемония транслировалась по телевидению), что принимает премию Тони в память о великом артисте Поле Робсоне.

Гораздо меньше удавалось Роберту Патрику остальные персонажи пьесы. В образе вьетнамского ветерана Марка автор односторонне показал судьбу молодежи, посланной во Вьетнам, напавшая на хорошо известные факты морального разложения солдат. Но ведь гораздо важнее и значительнее не тот мирок паркового дурмана, в котором оказался Марк, а борьба, которую вел против войны тысячи юношей, побывавших во Вьетнаме. Разве можно приравнять Марка к тем, кто бросал свои медали за ограду Белого дома в знак протеста против несправедливой войны? И совсем неудачен образ Спарджера, жалкого в выпрашенных тирадах в защиту «широты сексуальных взглядов».

И все же, несмотря на ряд слабых мест, пьеса Роберта Патрика «Дети Кеннеди» производит сильнейшее впечатление. Она яркими красками описывает трагическую судьбу значительной части американской молодежи, восставшей в 60-х годах против «общества потребления», отвергнувшей его фальшивые ценности. К несчастью, им не хватило политического самосознания, они не знали, чем эти ценности заменить. И произведение Роберта Патрика звучит обвинительным актом буржуазному обществу, которое безжалостно коверкает судьбы своей чистой и наивной молодежи.

САН-ФРАНЦИСКО.